

УДК 341.24

Алексей СИНДЕЕВ

А.А. ГРОМЫКО И СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко)

Аннотация. В статье рассмотрена роль А.А. Громыко в создании ООН, международной организации безопасности, а также в подготовке первой сессии Генеральной Ассамблеи. Автор анализирует планы Советского Союза, раскрывает сложные вопросы, которые удалось решить на конференции в Сан-Франциско в 1945 г., где делегацию СССР после возвращения наркома иностранных дел В.М. Молотова в Москву возглавил А.А. Громыко. Автор обращает внимание на потенциал, заложенный в Уставе ООН, и приходит к выводу, что с точки зрения исторической легитимности призывы к реформам ООН являются конъюнктурными, а мультилатерализм, состояние которого в настоящее время оценивают как кризисное, едва ли правильно рассматривать в качестве статичного феномена, поскольку ООН как одна из системных для мультилатерализма организаций начала работать более эффективно только в период разрядки, а после 1991 г. вновь столкнулась с односторонними подходами и позиционной борьбой. Новизна статьи состоит в анализе результатов дипломатической деятельности и определении роли посла Советского Союза в США А.А. Громыко, одного из отцов-основателей ООН, которому удалось впоследствии, на посту министра иностранных дел СССР, успешно работать над утверждением фундаментальных принципов мирного сосуществования государств и их взаимовыгодного взаимодействия.

Ключевые слова: Громыко, ООН, международная организация безопасности, международные отношения, иерархия безопасности, европейская безопасность.

О важности сотрудничества стран-лидеров

7 мая 1945 г. на приеме у В.М. Молотова в Сан-Франциско министр иностранных дел Люксембурга Й. Бех, оценивая роль стран-лидеров, заявил: “Теперь великие державы смогут прочно взять в свои руки руководство в деле создания международной организации безопасности. Руководство будет у тех, кто имеет силу, а не у тех, кто много болтает”¹. Подобное совместное руководство предполагало сотрудничество между СССР и США.

¹ Прием В.М. Молотовым министра иностранных дел Люксембурга Й. Беха, 7 мая 1945 г. // Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 76. П. 60. Д. 1. Л. 47.

По поручению Наркоминдел СССР посол в США А.А. Громыко в июле 1944 г. подготовил “краткий доклад о советско-американских отношениях”, о перспективах взаимодействия и совместных действиях великих держав. “Я не затрагивал, – писал посол в сопроводительной записке, – вопроса о возможности серьёзных осложнений в отношениях между обеими странами, могущих при определенных условиях привести к серьёзным конфликтам и быть может даже к военному столкновению. Такой возможности вообще, конечно, исключать нельзя, учитывая, что в будущем враждебность (политическая и идеологическая) господствующих классов США, как и других капиталистических стран к СССР, безусловно останется. Такая перспектива всё же представляется маловероятной, хотя бы в течение какого-то периода времени после окончания нынешней войны”¹.

В ходе войны Соединённые Штаты изменили отношение к Советскому Союзу. Главная причина, по мнению А.А. Громыко, заключалась в “демонстраци[и] мощи страны и мощи Красной Армии”². “Официальные и деловые круги Америки, – сообщал посол, – “считают неизбежным усиление влияния Советского Союза в Польше, Германии, Финляндии, на Балканах, а также и в других странах Европы. Однако, больше всего их тревожит мысль о возможных социальных переворотах в европейских странах, могущих произойти в результате усиления влияния Советского Союза в Европе в ходе войны”. В этой связи Соединённые Штаты, по всей видимости, намеревались предпринять необходимые меры, чтобы добиться “[у]становлени[я] в Западной Европе буржуазно-демократических режимов, или при угрозе советского строя – фашистских режимов”.

Несмотря на ожидаемые трудности, советский посол сделал вывод о том, что “[о]тнoшения, которые уже сложились между США и СССР, будут в значительной степени предопределять судьбу отношений между двумя странами в дальнейшем, в том числе и в послевоенный период”, поскольку они “имеют под собой достаточно прочную основу”. В качестве обоснования данного вывода он указал на настрой деловых кругов США, убежденных в том, что “другие страны не в состоянии будут после войны выдержать конкуренцию с промышленностью США”. По этой причине “Соединённые Штаты будут безусловно заинтересованы в использовании в максимальной степени в мирной обстановке всех выгод и преимуществ, которых они уже добились и которых они ещё добьются в ходе войны”.

Инициативу по созданию организации, гарантирующей международную безопасность, одного из возможных треков будущего сотрудничества, следует интерпретировать, с точки зрения А.А. Громыко, как свидетельство заинтересованности “в поддержании мира, по крайней мере, в течение какого-то определённого исторического периода времени”. С учётом вышеизложенного можно предположить, что советский посол исходил из того, что усилия США будут направлены на необходимую им перестройку послевоенного мира. Желание США создать не только международную организацию безопасности, но и связанные с ней

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12019148160>

¹ В.М. Молотову от А.А. Громыко, 14 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 45. Д. 603. Л. 1–3.

² Здесь и далее: Громыко А.А. К вопросу о советско-американских отношениях, 14 июля 1944 г. // Там же. Л. 4–34.

организации и органы, подтверждало верность такого предложения. Американцы вполне могли использовать последующие переговоры в широком формате, с привлечением малых стран, для того чтобы заложить фундамент собственного доминирования.

Однако “всякая международная организация, – констатировал А.А. Громыко, – созданная для поддержки мира и безопасности после войны, не была бы эффективной организацией без наличия согласованных действий между Советским Союзом и Соединёнными Штатами”, поэтому сотрудничество в деле сохранения мира, по его мнению, могло бы стать также одним из перспективных направлений будущего взаимодействия стран-лидеров.

Логичным продолжением усилий на пути к международной организации безопасности стали контакты между США и СССР на конференции в Думбартон-Оксе, об открытии которой В.М. Бережков вспоминал: “Во второй половине дня Громыко пригласил членов советской делегации на обед. Было там по-домашнему непринужденно... Андрей Андреевич знакомил нас с особенностями вашингтонской жизни, давал меткие характеристики тамошним политическим деятелям, наставлял практическими советами. Мы допоздна засиделись у посла. Многодневный перелет давал себя знать, и я уже подумывал о том, как приятно будет отдохнуть в удобной статлеровской постели. Но не тут-то было. Громыко, который как бы вовсе и не чувствовал усталости, предупредил, что через сорок минут ждёт нас в своем рабочем кабинете в посольстве...”¹.

Сложности начатого дела были понятны А.А. Громыко. Об этом свидетельствует его первое выступление на конференции в Думбартон-Оксе: “Единство союзников, проявленное в борьбе против общего врага, и их стремление сохранить мир в будущем представляют собой гарантию того, что настоящие исследовательские переговоры дадут положительные результаты. Они являются первым шагом на пути, ведущем к постройке здания, в возведении которого заинтересованы все свободолюбивые народы мира ради создания эффективной международной организации по вопросам сохранения мира и безопасности...”².

Акценты были расставлены и оставались без изменения в последующем [Громыко, 2015]. Единство стран-лидеров и их готовность учитывать интересы друг друга и партнёров должны были гарантировать успех в деле создания новой организации и структурного оформления послевоенного мира.

Планы Советского Союза

Работа над Уставом международной организации безопасности продолжилась в Сан-Франциско в 1945 г. в довольно сложных условиях. Вторая мировая война еще не завершилась. Приход к власти президента Г. Трумэна усиливал консервативные силы в США. Предстояли Потсдамская конференция и решение важного для СССР вопроса о репарациях. Остро вставал “польский вопрос” [Ср.: Васильева, 2015]. Кроме того, “[а]мериканцы и англичане развернули большую работу по подготовке

¹ См. по Думбартон-Оксу воспоминания В.М. Бережкова “Страницы дипломатической истории”. М., 1987 (электронная версия главы книги о конференции в Думбартон-Оксе: http://militera.lib.ru/memo/russian/berezhkov_vm2/04.html).

² Там же.

конференции в Сан-Франциско... делегаты в Сан-Франциско разделятся на две группы – проамериканскую и проанглийскую. Мы не можем рассчитывать на просоветскую группу делегатов”, – отмечал А. Лозовский в записке от 25 марта 1945 г.¹

Было очевидно, что согласованные в Думбартон-Оксе подходы не получатся полностью реализовать, хотя в окончательном проекте директив советской делегации значилось: “При выработке Устава международной организации делегация должна добиваться принятия конференцией предложений Думбартон-Окса с дополнениями, согласованными на Крымской конференции”².

В этом контексте борьбе за единство стран-лидеров придавалось особое значение. Согласно советским документам, странами-лидерами, или ведущими державами, являлись государства, спасшие “от гитлеровского ига и гибели многие малые и средние государства”, сплоченные “боевым содружеством”, готовые брать на себя ответственность, так как они имеют “необходимы[е] средства[...] и возможност[и] для обеспечения мира и безопасности”.

Победа в войне предоставила уникальную возможность создать международную организацию с учетом иерархии стран, основанной на вкладе в борьбу с нацизмом. Дееспособной считалась бы, как писал в августе 1945 г. А.А. Громыко, такая “организаци[я] безопасности, во главе которой стоял бы узкий по своему составу орган, обладающий широкими функциями и полномочиями”³. Неслучайно Советский Союз категорически возражал против всеобщности членства, настаивая на принятии только “миролюбивых государств”. Через иерархический подход к обеспечению безопасности следует понимать и такое поручение советским делегатам: “Не следует возражать против предложения дополнить Устав организации указанием на обязанность организации гарантировать территориальную целостность и политическую независимость стран, но не следует и поддерживать это предложение”.

Представители других делегаций не скрывали критического отношения к иерархичности. Министр иностранных дел Колумбии А.-Л. Камарго, сравнивая преимущества существовавшей системы безопасности в Латинской Америке с будущей ООН, утверждал: “Она хороша и тем, что демократична, не в пример той, по существу иерархической системе безопасности, которая будет опираться на мощь великих держав”⁴.

В утверждённом тексте директив советская делегация должна была “[о]тклонить” (выделено в документе. – А.С.) поправки, направленные к усилению в

¹ В.М. Молотову от А. Лозовского, 25 марта 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 76. П. 61. Д. 7. Л. 92.

² Здесь и далее: Директивы советской делегации на конференции в Сан-Франциско по вопросу о выработке Устава международной организации // Там же. Л. 1–5.

³ Громыко А.А. О состоявшейся в Сан-Франциско конференции Объединённых Наций, 7 августа 1945 г. // Там же. Д. 19. Л. 33.

⁴ Донесение главы советской делегации А.А. Громыко в НКВД СССР, 12 мая 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. V: Конференция Объединённых Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 454.

организации роли мелких держав за счет ослабления значения великих и имеющие своей целью установить принцип необязательности решений Совета Безопасности, что может повести лишь к ослаблению эффективности организации”. Не получали согласия и предложения, направленные “на расширение круга вопросов, по которым не требуется единогласия постоянных членов Совета Безопасности” или связанные с легитимированием “прав[а] членов организации действовать по их усмотрению в тех случаях, когда Совету не удастся принять решения”.

Требовалось “настаивать на обязательности решений Совета Безопасности для всех членов организации, как это было принято на конференции в Думбартон-Оксе... [и] возражать против предложений, которые обязательность решений Совета Безопасности поставили бы в зависимость от утверждения Ассамблеи”. Принятие принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности было решающим. 21 мая, во время работы конференции, делегат от Новой Зеландии П. Фрэзер “заявил, что предлагаемое правило об обязательном единогласии пяти постоянных членов Совета представляется ему, как и многим другим, нецелесообразным, но, видимо, участники настоящей конференции стоят перед альтернативой: или международная организация с правилом о единогласии... или никакой международной организации”¹.

Поскольку перспективы международной организации были не очень понятны, советская делегация не должна была выступать против процедуры выхода, “[е]сли будет внесено [соответствующее] предложение... и [оно] встретит поддержку”. В тех условиях требовалось сохранять необходимую свободу.

А.А. Громыко и подготовка конференции в Сан-Франциско

Создание “действительно дееспособной международной организации безопасности” требовало серьезной подготовительной работы, реальной оценки возможностей, определения стратегии и тактики поведения советской делегации на конференции.

Как следует из письма, направленного 2 февраля 1945 г. А.А. Громыко на имя В.М. Молотова, СССР предстояло действовать в меньшинстве. “За исключением Аргентины, – писал посол, – которая не будет значиться в числе стран-инициаторов международной организации безопасности, почти все другие страны Латинской Америки будут поддерживать США по всем важным вопросам в организации... Чили, Боливия и Сальвадор могут, ввиду влияния, оказываемого на них Аргентиной, по тем или иным вопросам проявлять колебания и пытаться проводить “независимую” линию. Однако, они слишком слабы, чтобы противопоставить себя США и другим странам Латинской Америки. Таким образом, США обеспечена безусловная поддержка со стороны 16 латиноамериканских стран... США будут обеспечены голоса Филиппин, Исландии и Либерии. США будут также находить часто поддержку со стороны Китая и

¹ Донесение главы советской делегации А.А. Громыко в НКВД СССР, 21 мая 1945 г... // Там же. С. 477.

Канады”¹. Общее число стран, на которые могли рассчитывать американцы, по оценкам А.А. Громыко, составляло двадцать пять.

Посол предлагал “в разговоре с Рузвельтом и Черчиллем по вопросу о советских республиках, в связи с членством в международной организации безопасности” аргументировать необходимость их включения в состав членов, в том числе и указанием на несбалансированное соотношение участников конференции в Сан-Франциско.

7 февраля 1945 г. на Крымской конференции Сталин по-иному обосновывал содержание советского подхода в вопросе усиления просоветского лагеря: “Советская делегация поставила этот вопрос не в той форме, в какой это было сделано в Думбартон-Оксе, но предложила, чтобы три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации (речь шла об Украине, Белоруссии и Литве). Советская делегация считала, что эти три советские республики или, во всяком случае, две должны быть признаны в качестве членов-учредителей”². В итоге была принята устроившая в то время СССР формула, согласно которой “делегаты Соединённого Королевства и Соединённых Штатов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украины и Белоруссии”³.

Данное решение ни для американской, ни для английской стороны не означало автоматического участия Украины и Белоруссии в конференции по созданию международной организации безопасности. А.А. Громыко, будучи в Крыму, прекрасно понимал границы согласованной там компромиссной формулы и сложности работы. Предстояло, с одной стороны, добиться от США и Великобритании согласия на приглашение двух советских республик, с другой – отстоять необходимость приглашения перед делегациями малых стран.

17 марта 1945 г. по поручению Наркоминдела состоялась беседа А.А. Громыко с помощником госсекретаря Д. Данном, поскольку Э. Стеттиниус находился в отпуске. “Я напомнил ему (Данну. – А.С.), – зафиксировано в краткой записи беседы по вопросу участия Украины и Белоруссии, – содержание решения Крымской конференции... Данн ответил, что это решение, как он полагает, не предусматривает участия в конференции представителей Украины и Белоруссии. Что же касается, продолжал он, поддержки... то это допущение, по его мнению, может быть осуществлено не в форме приглашения Украины и Белоруссии участвовать в конференции в Сан-Франциско, а в форме последующего их присоединения к Уставу организации после конференции... Я выразил удивление по поводу интерпретации Данном этого вопроса и заявил, что единственный путь вступления Украины и Белоруссии в организацию, как и для других стран-

¹ В.М. Молотову от А.А. Громыко, 2 февраля 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 76. П. 63. Д. 48. Л. 3–4.

² Четвёртое заседание в Ливадийском дворце, 7 февраля 1945 г. // Тегеран – Ялта – Потсдам: Сборник документов / Сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., 1970 (электронную версию книги см.: <http://grachev62.narod.ru/stalin/confer/content.htm>).

³ Протокол работы Крымской конференции: Всемирная организация, п. 2б.

участниц, это участие в конференции, на которой будет приниматься Устав организации”¹.

Вопрос был настолько серьёзен, что госсекретарь прервал отпуск и встретился 20 марта с советским послом. Ссылаясь на предварительную беседу с Г. Трумэнном, Э. Стеттиниус подтвердил трактовку крымской формулы, данную ранее Д. Данном, на что А.А. Громыко в свою очередь заявил, что подобная “интерпретация решения Крымской конференции и... разъяснение... являются... неожиданными” и вступают в противоречие с утверждённой в Крыму формулой².

Приглашение Украины и Белоруссии на конференцию означало бы, что эти союзные республики подписали бы Устав организации и вошли бы после завершения ратификации в её состав. Та процедура, за которую выступали американцы, по сути, могла закончиться либо отказом принять Украину и Белоруссию в состав новой организации, либо затягиванием их официального вступления, поскольку поддержка США и Великобритании могла быть поставлена в зависимость от допуска кандидатов, против которых выступал Советский Союз. Получается, что благодаря в том числе и усилиям А.А. Громыко суверенные Украина и Белоруссия занимают почётные места среди государств – учредителей ООН.

23 апреля 1945 г. В.М. Молотов в отношении расширения состава возможных участников конференции за счёт международных организаций предпочел говорить не о советских предложениях, а о предложении А.А. Громыко. После того, как американцы на встрече министров иностранных дел сообщили: “Громыко сказал... что советское правительство настаивает на том, чтобы в качестве представителей от этих организаций были допущены на конференцию только граждане Объединённых Наций”, В.М. Молотов заметил, “что принять предложение Громыко было бы логичным”³.

Во главе советской делегации

После возвращения В.М. Молотова в Москву советскую делегацию в Сан-Франциско возглавил А.А. Громыко. Отношения между союзниками на конференции складывались непросто. А.А. Громыко был вынужден отметить, что “позиция американцев и англичан не совпадает с позицией Советского Союза”⁴. Советской делегации пришлось столкнуться и с многочисленными попытками латиноамериканских стран продемонстрировать единство и “весом своих голосов... добиваться чуть ли не любых желательных для них решений на конференции”. Одним из таких решений стало приглашение Аргентины на конференцию.

Предположение о численном меньшинстве СССР оказалось верным: американцы могли опираться на латиноамериканские страны; британцы – на

¹ Запись беседы посла СССР в США А.А. Громыко с помощником госсекретаря США Д. Данном, 17 марта 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях... С. 76–77.

² Запись беседы посла СССР в США А.А. Громыко с госсекретарем США Э. Стеттиниусом, 20 марта 1945 г. // Там же. С. 78.

³ Совещание трёх министров иностранных дел, Вашингтон, 23 апреля 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 76. П. 60. Д. 4. Л. 21–22.

⁴ Здесь и далее: Громыко А.А. О состоявшейся в Сан-Франциско конференции Объединённых Наций... Л. 4–33.

доминионы. “Анализ поведения делегаций британских доминионов, – констатировал А.А. Громыко в последующем кратком докладе по итогам конференции, – показывает, что между ними и англичанами, а также внутри группы британских доминионов имелось распределение ролей... Нам известно, что английская делегация проводила неоднократно совещания с делегациями британских доминионов относительно линии поведения на конференции... Есть основания считать, что они поощряли такие выступления. Для видимости иногда на заседаниях соответствующих комитетов устраивались стычки между представителями доминионов и представителями английской делегации. Однако, похоже на то, что подобные сцены заранее подготавливались с целью создать видимость расхождений...”.

Против решений Думбартон-Окса энергично выступали бельгийцы и голландцы. Поведение французской делегации А.А. Громыко оценивал как “двойственное”, поскольку Франция выдвигала ряд принципиальных предложений, но “[н]икакой самостоятельной роли... на конференции не играла. Никто за французами не шел”.

Самым малочисленным на конференции был просоветский лагерь, который образовали СССР, Украина, Белоруссия, Югославия и Чехословакия. Получалось, что возрождение сфер влияния после войны в мире и в Европе следовало признать в качестве свершившегося факта. Советская сфера ещё формировалась, а вопросы, которые предстояло решать в отношении международной организации безопасности, уже влияли на будущее взаимодействие различных акторов и национальные интересы Советского Союза. От дипломатов и выбранной ими стратегии зависело, насколько получится сохранить на дипломатическом фронте победы, достигнутые на полях сражений, и обеспечить условия для восстановления страны.

“Основным рычагом воздействия на конференцию с целью проведения нужных для нас решений были заседания глав делегаций пяти великих держав”, – писал А.А. Громыко. Существенную роль сыграла договоренность, предусматривавшая консультации в формате стран-лидеров в случае отхода конференции в Сан-Франциско от ранее согласованной позиции.

Кроме того, к советской стратегии, принесшей результаты, можно отнести затягивание решения ряда вопросов. Американцы проявляли нетерпение, им нужно было показать общественности успешный результат, полученный в кратчайшие сроки. “Тот факт, что наш окончательный ответ, – размышлял А.А. Громыко в отношении дискуссии об исключениях из правила единства постоянных членов Совета Безопасности, – несколько затянулся, принес известную пользу для нас. Затяжка с ответом была выгодна тактически. После получения нашего окончательного ответа, для каждой делегации на конференции стало ясно, что если потребовалось такое напряжение и потребовались такие усилия для того, чтобы добиться от Советского Союза согласия на неприменение принципа единогласия при решении вопроса о принятии к обсуждению в Совете того или иного конфликтного дела, то Советский Союз уже наверняка не пойдет ни на какие дальнейшие уступки”.

Нервозность США и Великобритании проявлялась и в том, что они “инспирировали появление в печати сообщений... [будто бы] советская делегация

своим поведением создала кризис на конференции”. А.А. Громыко и другим членам делегации приходилось проявлять стойкость, дисциплинированность и выдержку. “Иногда требовался значительный нажим с нашей стороны, в результате чего обстановка на заседаниях пятёрки создавалась очень напряжённой. Тем не менее, при значительном нажиме с нашей стороны, на заседаниях пятёрки решения выносились как правило в нашу пользу...”, – отмечал А.А. Громыко.

Особенно сложным стал пересмотр принятых ранее с участием делегаций малых стран решений. Ведь “такие решения являлись выражением подавляющего большинства делегаций”, а “постановка вопроса об их отмене затрагивала престиж... делегаций”. Несмотря на это, советская делегация боролась за пересмотр и добивалась его. “После вынесения решения конференции по аргентинскому вопросу, – писал А.А. Громыко, – Руководящий комитет не принимал каких-либо неприемлемых для нас решений, и нам в последующем почти всегда удавалось проводить наши предложения”.

Наибольший спор вызвали четыре вопроса. Первый – “о процедуре голосования в Совете Безопасности”. Американцами и британцами была предпринята попытка “навязать... такую интерпретацию крымской формулы, которая исключала бы применение принципа единогласия при вынесении всех решений, относящихся к начальной стадии урегулирования споров, вплоть до принятия Советом Безопасности решений о рекомендациях”. По мнению А.А. Громыко, “[п]оведение американцев и англичан в этом вопросе дает полное основание считать, что они пытались... сделать возможным при определенных обстоятельствах использовать систему голосования и метод принятия решений в Совете против Советского Союза”.

Второй вопрос заключался во “включении в Устав организации предоставления Генеральной Ассамблеи права пересматривать договоры, заключенные государствами-членами организации”. Наиболее активно данное положение лоббировал сенатор А.-Х. Ванденберг. “Нам точно известно, – констатировал советский посол в США, – что Ванденберг преследовал внесением такого предложения цель – добиться в дальнейшем обсуждения Генеральной Ассамблеей вопроса о западной границе СССР, особенно о советско-польской границе”. В итоге был “принят пункт, не содержащий указаний на договоры, а предусматривающий лишь за Генеральной Ассамблеей право обсуждать любые вопросы, безотносительно к их происхождению, связанные с поддержанием мира и безопасности”.

Третий вопрос касался “региональных мероприяти[й]”. Соглашения, заключенные между союзниками и “направленные против вражеских стран во Второй мировой войне”, не подпадали под эти мероприятия. Однако принятие предложения о том, что при нападении на отдельные страны или группы стран региональные “организации имеют неотъемлемое право индивидуальной и коллективной самообороны”, привело бы к ослаблению Совета Безопасности и принципа иерархии. Советская делегация настояла на том, чтобы автономность действий по самообороне существовала бы “до тех пор, пока Совет Безопасности не предпримет мер, необходимых для поддержания мира и безопасности”.

Четвёртый вопрос – это вопрос о праве Генеральной Ассамблеи обсуждать проблемы международных отношений. Он тесно связан со вторым сложным

вопросом, с расширением компетенций Генеральной Ассамблеи. Советская делегация исходила из того, что обсуждение на Ассамблее может иметь целью принятие документов, не признающих договоры, заключенные СССР с восточноевропейскими странами, и западную границу страны, поскольку за расширение полномочий Генассамблеи и за отказ в преамбуле Устава от указания на уважение договоров активно выступал сенатор А.-Х. Ванденберг.

Конференция в Сан-Франциско стала первой значимой пробой сил между СССР и США в послевоенном мире. В Тегеране и в Крыму СССР работал в более удобных для себя малых форматах. В Сан-Франциско пришлось столкнуться с “борьбой малых стран против предоставления широких функций и полномочий Совету Безопасности”. Советскому Союзу и главе советской делегации А.А. Громыко удалось в сложных условиях отстоять свою позицию. Однако единство союзников, выстраивавшееся во Второй мировой войне, дало трещину.

Следует напомнить, что в контексте проблем, возникших с США и Великобританией, А.А. Громыко предупреждал, что их учёт “представляет особенно значительный интерес с точки зрения оценки возможного поведения англичан и американцев в будущем в процессе деятельности, создаваемой международной организацией безопасности”. Цель не допустить изоляцию СССР и расширить число союзников в условиях попыток США, используя экономические преимущества, максимально переформатировать мир под себя, оставалась актуальной. Это требовало продолжения напряжённой работы, в том числе и по процедурным вопросам.

А.А. Громыко и Подготовительная комиссия

В Сан-Франциско было принято решение образовать Исполнительный комитет и Подготовительную комиссию, которым поручалось подготовить “в предварительном порядке” первую сессию Генассамблеи. Как отмечалось в записке НКВД СССР, по сути, “эта задача заключается в выработке рекомендаций по проекту повестки дня”. При этом Исполнительный комитет, по мнению советских дипломатов, существенно вышел “за эти пределы”¹, занявшись процедурой работы органов ООН и рекомендовав к принятию 21 пункт повестки дня.

Попытка скорректировать нежелательные последствия деятельности Исполнительного комитета была предпринята на Подготовительной комиссии. Любопытно, что А.А. Громыко не только отвечал за выработку советских директив, но и был назначен представителем СССР в Комиссии. 12 ноября 1945 г. он направил на утверждение руководству проект директив советской делегации².

Лейтмотив директив состоял в том, чтобы не допустить прецеденты, ущемляющие право равенства СССР среди великих держав, и создать максимально выгодные для страны условия. “Советской делегации, – читаем в проекте, подписанном А.А. Громыко, – следует выяснить возможность избрания председателем делегата Чехословакии и выдвинуть его кандидатуру... Ведя

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 15. Д. 143. Л. 37.

² Здесь и далее: Директивы советской делегации на Подготовительной Комиссии Объединённых Наций, 12 ноября 1945 г., проект // Там же. Л. 33–36. Документ содержит правку В.М. Молотова.

переговоры с основными делегациями, можно заявить, что мы согласны с тем, чтобы председателем первой Генеральной Ассамблеи был избран представитель Норвегии, кандидатура которого уже была названа американцами”¹.

Относительно заместителей председателя Подготовительной комиссии предусматривались два этапа обсуждения. На первом необходимо было выступить с предложением избрать пять заместителей от пяти великих держав. На втором этапе, если советское предложение не прошло бы, можно было бы согласиться на меньшее число заместителей при условии, что они будут представлять малые страны, а среди них получит место либо представитель Украины, либо представитель Польши². В принципе, схожий подход был принят и для кандидатур председателей восьми комитетов Подготовительной комиссии.

Что касается будущей работы секретариата ООН, то в случае окончательного утверждения “принципа функционального построения” было важно согласовать “выделение особого штата ответственных сотрудников секретариата для обслуживания Совета Безопасности”. В частных разговорах следовало проинформировать о том, что “Советский Союз будет претендовать на то, чтобы во главе Департамента по делам политическим и безопасности в секретариате стоял представитель СССР”.

В отношении непостоянных членов Совета Безопасности предстояло “добиваться, чтобы... в первую очередь принималась во внимание степень участия той или иной державы в войне против Германии и Японии”. Тем самым был бы легитимирован один из наиболее важных неформальных критериев признания исключительных прав стран-лидеров в Совете Безопасности. Впрочем, советские представители не исключали и использования географического принципа. Тогда предстояло “обеспечить, чтобы в число непостоянных членов вошла по крайней мере одна из дружественных нам стран Восточной Европы – Польша, Чехословакия или Югославия”.

ООН в сталинской дипломатии

Устав ООН и начало работы организации зафиксировали статус-кво и способствовали переходу к усиленной позиционной борьбе, поэтому ни ООН, ни Совет Безопасности не могли функционировать с полной эффективностью. Условием эффективной работы организации могло бы стать единство великих держав, но ожидать его появления на фоне последовавшего институционального оформления региональных структур безопасности в той же Европе не приходилось.

Примеров позиционной борьбы, вызванной попытками западных союзников ослабить СССР, было предостаточно. Взаимное недоверие сохранялось. 13 мая 1950 г., до начала войны в Корее, первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко принял генерального секретаря ООН Т.-Х. Ли, запись беседы с которым передает сдержанность и скепсис СССР в отношении тогдашнего состояния организации: “Ли сказал, – читаем в документе, – что он хотел бы поставить передо мною некоторые вопросы, в том числе вопрос об участии СССР в

¹ А.А. Громыко предлагал Я.-Г. Масарика, В.М. Молотов высказался за представителя Югославии.

² В.М. Молотов вместо Польши поставил Белоруссию.

работе специализированных учреждений ООН... Я указал, что не только Международная Организация Здравоохранения, но и многие другие специализированные организации пока не дали положительных результатов и не проводят какой-либо полезной деятельности... Затем Ли перешёл к вопросу о приёме новых членов в ООН, указав, что у него создалось впечатление, что по этому вопросу – о приёме новых членов – можно было бы добиться компромисса... путём принятия в ООН не только всех государств, подавших заявление о приёме, но также и Испании... Я заметил, что подобное предложение является недопустимым. Организация Объединённых Наций не может на одной сессии принимать решения, направленные против Франко, а на другой сессии принимать решения о допущении франкской Испании в Организацию Объединённых Наций. Я заявил при этом, что предложение о приёме Испании в ООН может исходить только от друзей и защитников фашистской клики Франко... Я заметил также, что само собой разумеется, не может быть и речи о приёме в Организацию Объединённых Наций при всех условиях марионеточной Южной Кореи... Ли спросил меня, могу ли я помочь ему чем-либо и посоветовать, каким образом можно прекратить холодную войну. Я заметил, что вопрос поставлен слишком обще. Я тут же добавил, что Ли хорошо известно об усилиях советского правительства, направленных на укрепление мира... Известно также и то, кто прилагает усилия к тому, чтобы не допустить принятия этих предложений и кто всячески разжигает эту холодную войну. Ли заявил, что он согласен с моим заявлением относительно значения советских предложений для дела укрепления международного мира...”¹.

* * *

Мультилатерализм, состояние которого в настоящее время оценивают как кризисное, едва ли правильно рассматривать в качестве статичного феномена. ООН, одна из системных для мультилатерализма организаций, начала работать более эффективно только в период разрядки, а после 1991 г. опять столкнулась с односторонними подходами и позиционной борьбой.

В этой связи потенциал ООН, её устава не исчерпаны. Призывы к реформам организации являются конъюнктурными, поскольку не серьёзно критиковать то, что в полной мере ещё не построено. Речь, к примеру, идёт о роли великих держав в современном мире и возможностях малых стран [Ср.: Сазонова, 2010]. Забыто то, что переговоры в Сан-Франциско велись о международной организации безопасности. Не вспоминается о том, что малые страны, как видно из слов министра иностранных дел Люксембурга Й. Беха, понимали границы своей дееспособности, но при этом делали все от них зависящее, чтобы не допустить союза стран-лидеров. По большому счёту утверждения политиков о теперешнем кризисе мультилатерализма являются попыткой избежать ответственности за ошибки в прошлом.

---

¹ Приём генерального секретаря ООН Трюгве Ли, 13 мая 1950 г. // АВП РФ. Ф. 022. Оп. 3. П. 17. Д. 5. Л. 90–94.

Андрей Андреевич Громыко – счастливый человек не только потому, что он был участником и свидетелем многих судьбоносных событий и прочно занял своё место в книгах по истории. Он – счастливый человек, потому что имел убеждения, был патриотом страны, умел бороться и достигать намеченного благодаря кропотливой работе. За судьбоносными событиями всегда стоит изматывающий рутинный труд.

А.А. Громыко удалось за рутинностью, “как бы вовсе и не чувств[уя] усталости”, не потерять главного – стремления вырабатывать и утверждать фундаментальные принципы мирного сосуществования государств и их взаимовыгодного взаимодействия. Оказалось, что эти принципы, построенные на рационализме, не теряют актуальность и сегодня [Громыко, 2016: 123]. Они важны для серьёзных политических деятелей. При этом не вызывает сомнения, что А.А. Громыко прекрасно осознавал препятствия, которые предстоит преодолеть на пути реализации согласованных в Уставе ООН принципов и идей. Та же беседа А.А. Громыко с Трюгве Ли свидетельствовала и о важности учитывать всю палитру мнений и позиций, а не узаконивать односторонность.

Сегодня как никогда не обойтись без единства стран-лидеров, “их стремлени[я] сохранить мир в будущем”, политического профессионализма – всего того, за что выступал, за что боролся и что доказывал своим трудом Андрей Андреевич Громыко, один из отцов-основателей ООН, международной организации безопасности, роль которого во внешней политике СССР предстоит ещё много и серьёзно изучать.

Список литературы

Васильева Н.Ю. (2015) “СССР и образование ООН. Конференция в Сан-Франциско”, в кн.: Нарышкин С.Е., Торкунов А.В. (ред.), *Великая Победа*, Т. 14, Москва, Россия, с. 187–222.

Громыко Ан.А. (2015) “ООН как якорь мировой стабильности: история и современность”, в кн.: Нарышкин С.Е., Торкунов А.В. (ред.), *Великая Победа*, Т. 14, Москва, Россия, с. 223–237.

Громыко Ан.А. (2016) *Уроки мировой политики: порядок или правопорядок?*, Москва, Санкт-Петербург, Россия.

Сазонова К.Л. (2010) “‘Великие державы’ в системе миротворчества Организации Объединённых Наций”, Дис. ... канд. полит. наук, РАНХиГС, Москва, Россия.

References

Vasil'eva N.Yu. (2015) “SSSR i obrazovanie OON. Konferentsiya v San-Frantsisko”, in: Naryshkin S.E., Torkunov A.V. (eds.), *Velikaya Pobeda*, T. 14, Moscow, Russia, pp. 187–222.

Gromyko An.A. (2015) “OON kak yakor' mirovoi stabil'nosti: istoriya i sovremennost'”, in: Naryshkin S.E., Torkunov A.V. (eds.), *Velikaya Pobeda*, T. 14, Moscow, Russia, pp. 223–237.

Gromyko An.A. (2016) *Uroki mirovoi politiki: poryadok ili pravoporyadok?*, Moscow, Saint-Petersburg, Russia.

Sazonova K.L. (2010) “‘Velikie derzhavy’ v sisteme mirotvorchestva Organizatsii Ob'edinennykh Natsii”, PhD Thesis, RANKhiGS, Moscow, Russia.

A.A. Gromyko and the creation of the International Organization for Security

Author: Sindeev A. Doctor, Professor of RAS, Chief Researcher, Institute of Europe, RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** a_sin74@mail.ru

Abstract. The article looks at A. Gromyko's role in the establishment of the UN, the International Organization for Security. The author is engaged with the plans of the Soviet Union. He also deals with the

Современная Европа, 2019, №1

heavy questions of the conference in San Francisco, and these questions were resolved during the conference. After the return of V. Molotov to Moscow A. Gromyko became the head of the Soviet delegation. Special attention is paid to the preparation of the first session of the UN General Assembly. The author underlines in particular the potential of the UN statute. He comes to the conclusion, that calls for UN reform, in connection with historical facts, are conjunctural. The multilateralism, which crisis is often discussed, is in the opinion of the author no static phenomenon. It should not be forgotten, that the UN as an important part of the multilateralist system started to work more efficiently only during the period of détente. From 1991 this organization was again involved in positional battles. The article provides the analysis of the results of the diplomatic work and defines the role, which played A. Gromyko, the Soviet Ambassador in the US, one of the founding fathers of the UN.

Key words: Gromyko, UN, international security organization, international relations, security hierarchy, European security.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12019148160>
